

UDC 94(479) “1828/1829”

**CAUCASUS FRONT LINE
DURING THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1828–1829**

N. Gozalova

PhD (History)

A. A. Bakikhanov Institute of History, NAS of Azerbaijan

115, H. Javid Avenue, Baku, AZ1143, Azerbaijan

nigar22@gmail.com

From the beginning of the XIX century the international relationships over South Caucasus have been experiencing the direct and indirect influence of the Eastern crisis caused by the Greek rebellion. The Peace treaty with Qajar Iran (1828) shifted the political and strategic situation in the South Caucasus in favor of Russia, which resulted in enabling the Russian government to start military actions against the Ottoman Empire. The War of 1828–1829 years was a new step in the century struggle between Russia and the Ottoman Empire. In the first half of the century the Russian-Turkish relationships were defined both by the general political situation in Europe and by the specific foreign affair tasks that the Russian government had to solve in the Near-East region.

At the beginning of the XIX century, between the great European powers, there was a clear, then hidden, diplomatic struggle for domination in the Near East. This was caused, on the one hand, by the economic and political weakening of the Ottoman Empire, and on the other, by the increased expansion of the European powers. By that time in Russian diplomacy existed two conceptions of the Eastern Question: on the one hand, Russia was preparing to take an active part in division of Ottoman Empire, and on the other, did not want the collapse of it. Therefore, summing up the results of that war, it should be noted that Russia managed not only to expand its political and commercial interests, but also so weaken the Ottoman Empire, that preserving its existence, Turkey would not interfere in Russia's expansionist plans. While the collapse of the Ottoman Empire would lead Russia to war with all European countries.

The Adrianople Treaty became the key point of the Russian policy in the Near East. Russia became the most influential European country in the Near-East. Russian success supported by this treaty alarmed European countries, primarily it greatly promoted further Russian-British competition. The main result of the Adrianople treaty can be considered the fact that the diplomatic struggle of European countries against Russia during the Eastern crisis of 20-ies of the XIX was actually lost.

Keywords: Russian-Turkish war, Adrianople treaty, Near East, Caucasus, Eastern question

Н. Р. Гезалова

КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1828–1829 гг.

С начала 20-х годов XIX века международные отношения вокруг Южного Кавказа испытывают на себе прямое или косвенное влияние восточного кризиса, вызванного греческим восстанием. Заключение мира с каджарским Ираном изменило политическую и стратегическую обстановку на Южном Кавказе в пользу России, развязав российскому правительству руки для начала военных действий против Османской империи.

В первой трети XIX века Османская империя переживала тяжелый внутренний кризис. Усилиями султана Махмуда I летом 1826 г. был уничтожен корпус янычар, составлявший в течение 400 лет главное ядро вооруженных сил Османской империи. Все турецкие посольства в европейских странах были отозваны в связи с началом греческого восстания 1821 г.¹

Восточный вопрос занял важное место во внешней политике взошедшего в 1825 г. на российский престол императора Николая I. Внутренний кризис и греческое восстание значительно ослабили Османскую империю, перспектива распада столь огромной империи привлекала внимание всех крупных европейских государств, в том числе России. В связи с разделом сфер влияния в Османской империи остро вставал и вопрос, кто будет контролировать Черноморские проливы (Босфор и Дарданеллы) – важный морской путь в Средиземноморье. Российское правительство, желая нейтрализовать антироссийские действия Великобритании в случае русско-турецкой войны, заключило с ней двухстороннее соглашение по восточному вопросу [Киняпина 2001, 195]. 23 марта (4 апреля) 1826 г. между правительствами России и Великобритании в Санкт-Петербурге был подписан англо-русский протокол, который представлял собой соглашение между Англией и Россией по греческому вопросу. Греция должна была получить автономию, а ее население – свободу торговли, защиту собственности и право выкупать землю у турецких владельцев; возможность вооруженного выступления двух держав в пользу Греции; возможность единоличного вмешательства России во внутренние дела Османской империи с целью защиты греков [История дипломатии 1959, 540]. Политика Великобритании в разрешении греческого вопроса с 1825–1828 гг. заключалась в соблюдении нейтралитета и в сотрудничестве с Россией, что мотивировалось экономическими причинами².

Тем временем проходившие в Аккермане переговоры завершились подписанием в сентябре 1826 г. Аккерманской конвенции между Российской и Османской империями, подтвердившей и дополнившей основные условия Бухарестского мира (1812). Османская империя признала за Россией Сухум, Анаклию и Редут-кале. Аккерманская конвенция являлась пояснительным документом к Бухарестскому договору и подтверждала обязательства, взятые Османской империей в 1812 г.

Между тем нерешенность греческого вопроса привела к подписанию 6 июля 1827 г. в Лондоне нового, уже тройственного соглашения между Россией, Англией и Францией о способах “умиротворения Греции”³. Османская империя, поддерживаемая Австрией, отказалась принять и признать это соглашение. В сентябре 1827 г. коалиция этих стран послала к берегам Греции союзную эскадру с целью воспрепятствовать перевозке турецких войск и вооружения. 20 октября 1827 г. в Наваринской бухте турецко-египетский флот был разбит союзной флотилией. В Лондоне и Париже были чрезвычайно недовольны сражением. Британский и французский послы известили султана о прекращении военных действий против турок, настаивая на признании посредничества. В Лондоне российскому послу Ливену было объявлено, что “неудачный инцидент” (Наваринская битва) не повлияет на отношения держав с Османской империей и Британия не может считать, что находится в состоянии войны с Османской империей [Международные отношения... 1983, 189]. В ответной депеше Ливену Нессельроде писал: “Британский кабинет проникся идеей затормозить дело, так его и не начав. Но император не намерен останавливаться, он пойдет дальше, даже если союзные дворы не удостоят нас поддержки” [Внешняя политика России... 1992, 167]. Тем не менее, Нессельроде в секретной инструкции послу в Лондоне писал: “В Европе Россия не желает никаких территориальных приобретений насчет Оттоманской империи. Но в Азии она нуждается в приобретении двух укреплений: Анапы и Поты с окрестною территориею, которые были уступлены Россией Турции в силу Бухарестского трактата 1812 г. ... и императорское правительство убеждено, что таким приобретением нисколько не нарушится европейское равновесие” [Мартенс 1895, 371–372].

В ответ в ноябре 1827 г. Османская империя в ноте представителям трех союзных держав выдвинула обвинение в преднамеренном нападении на ее флот без объявления войны и предъявила им требования прекратить всякое содействие грекам и

компенсировать деньгами за уничтожение ее флота [Шеремет 1975, 21]. В своем манифесте от 18 декабря 1827 г. султан Махмуд IV призвал к “священной войне” против России⁴. Османская империя закрыла проливы для российских судов и расторгла Аккерманскую конвенцию (1826), регулирующую российско-турецкие отношения. В ответ в декабре 1827 г. послы Британии, Франции и России прервали все переговоры и покинули Стамбул [Шеремет 1975, 21].

Отношения между Россией и Османской империей находились в состоянии, которое можно охарактеризовать словами “ни мира, ни войны”. Но войну уже трудно было предотвратить. Однако Россия еще воевала с каджарским Ираном и потому воздерживалась от объявления войны Османской империи.

14 апреля 1828 г. российский император разослал европейским государствам манифест о войне с Османской империей [Akbulut 2015, 705]. В манифесте говорилось “о причинах этой войны и обстоятельствах, ей предшествовавших” [РГВИА, ф. 477, д. 4, л. 1–2]. В документе отмечалось, что Россия стремится, прежде всего, возобновить прежние соглашения с Османской империей и содействовать проведению в жизнь условий Лондонского договора 1827 г. [Шеремет 1975, 24]. Россия заявила, что она “не умышляет разрушения” Османской империи и, как и раньше, открыта к сотрудничеству с другими державами с целью реализации международных постановлений [Дегоев, Стамова 2013, 361].

Спустя 11 дней, 7 мая 1828 г., началось наступление российских войск [Орлик 1998, 65]. Османская империя официально объявила войну России лишь 20 мая 1828 г. [Шеремет 1975, 36]. Кроме того, 4 июня 1828 г. Османская империя издала свой Манифест о войне с Россией, в котором отвергались все представленные Россией доказательства нарушения турецкой стороной прежних договоров и выдвигались контробвинения. Так, Россия не эвакуировала некоторые укрепленные пункты в азиатской Турции по условиям Бухарестского договора⁵ [Шеремет 1975, 41].

Турецкая армия к началу войны не была сосредоточена в каких-либо определенных, стратегически важных районах. Первый отпор русским могли дать только гарнизоны придунайских крепостей. Остальные войска подходили к театру военных действий в течение последующих периодов войны⁶. Численность турецкой армии была велика, но ее оснащенность и тактика находились на крайне низком уровне, в результате чего лишь небольшая часть ее представляла собой боеспособную маневренную силу⁷. Кроме того, финансы Османской империи перед войной были в весьма плачевном состоянии, и это, конечно, чрезвычайно затрудняло подготовку к войне. Таким образом, Османская империя находилось в начале войны в крайне тяжелых условиях как внутренних, так и международных.

Тем временем война 1828 г. началась при самых благоприятных для России стратегических условиях. Уничтожение союзным флотом турецкого флота при Наварине создавало полное господство России на Черном море. Военные действия проходили на Кавказском и Балканском фронтах. Главные события происходили на Балканском полуострове. В целом русско-турецкую войну 1828–1829 гг. можно рассматривать больше как европейскую войну, так как основные военные действия проходили на Балканском фронте⁸. Захватив практически без сопротивления Молдавию и Валахию, российские войска продолжили наступление на балканском фронте. Были захвачены крепости Силистрия, Шумла и Варна. Взятие Варны стало наиболее крупным успехом российских войск в кампании 1828 г. на Балканском фронте⁹.

Не получив ожидаемой стремительной победы в ходе кампании 1828 г., российский император в феврале 1829 г. вместо Витгенштейна назначает главнокомандующим генерала И. Дибича. План нового командующего состоял в том, чтобы, опираясь на Варну и поддержку Черноморского флота, совершить поход на Стамбул.

Султан, также недовольный деятельностью своего главнокомандующего Хуссейн-паши, сменил его, назначив на его место Решид-Мехмед-пашу. В середине мая

турецкое командование организовало новый поход на Варну. Разгром турецкой армии при Кулевче в мае 1829 г. способствовал капитуляции Силистрии, гарнизон которой сдался 19 июня. 12 июля Дибич захватил Бургас – важнейший порт на болгарском побережье.

Несмотря на большие потери в российской армии (за время похода, прежде всего от жары и болезней, она сократилась вдвое), Дибич решил продолжать наступление и двинулся на Адрианополь (Эдирне). Преодолев за неделю 120 км, российское войско 7 августа подошло к стенам Адрианополя. 8 августа деморализованный гарнизон крепости сдался без боя – так пал последний оплот на пути к турецкой столице. Занятие российской армией Адрианополя произвело огромное впечатление не только в Османской империи, но и во всей Европе. 9 августа российские войска продвинулись к Кирклиссу и Люле-Бургасу, расположенным в нескольких часах пути (в 60–70 км) от Стамбула. Стремительность передвижения во многом предопределила успех в кампании 1829 г. Таким образом, кампания 1829 года продолжалась четыре месяца на европейском фронте, за которые российская армия впервые совершила переход через Балканы и заняла Адрианополь.

Несомненный интерес для нас представляет Кавказский фронт в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. Оценивая значение кавказского театра военных действий 1828–1829 годов, следует отметить, что азиатская часть Османской империи имела для нас важное стратегическое значение, кроме всего прочего, прилегая вплотную к территории присоединенных к России областей Южного Кавказа. Боевые действия на Кавказе начались спустя почти два месяца после того, как российские войска перешли реку Прут, овладев рядом турецких крепостей.

На Южном Кавказе к войне с Османской империей готовился 25-тысячный корпус генерал-адъютанта И. Ф. Паскевича, наместника на Кавказе. Еще в феврале Паскевич был проинформирован о том, что война с Турцией “неизбежна” [РГВИА, ф. 846, оп. 1, д. 4329, л. 30–37]. Кавказская кампания началась 14 июня 1828 г., примерно на шесть недель позже, чем на Балканском фронте [РГВИА, ф. 846, оп. 1, д. 4442, л. 94]. На Черноморском побережье была блокирована принадлежавшая туркам крепость Анапа. Паскевич стремился в первую очередь к захвату важных крепостей Поти и Анапы [Дегоев, Стамова 2013, 337]. Другое важное направление – Карсский и Ахалцихский пашалыки¹⁰. Только обладание этими областями обеспечивало России столь необходимую прочность ее позиций в юго-западной части Кавказа.

Летняя кампания на кавказском театре военных действий началась с наступления российских войск на карсском направлении. 19 июня их авангард приблизился к крепости Карс. 23 июня российские войска штурмом овладели крепостью Карс [Russel 1877, 160]. Конец августа увенчался победой россиян, овладением всего Баязетского пашалыка с крепостями Баязид, Торпах-кала и укреплением Диадин.

Удачно складывались военные действия для России и на Черноморском побережье Кавказа. После штурма Анапской крепости ее комендант Хаджи Гассан-оглу, видя бесполезность сопротивления, сдался 12 июня 1828 г. Через несколько дней был захвачен другой важный форпост на Кавказском побережье – Поти. Захват Поти открыл прямую связь с крымскими и азовскими портами, которая позволяла быструю доставку подкреплений на Южный Кавказ [Дегоев, Стамова 2013, 343–344]. Таким образом, в ходе кампании 1828 г., которая продолжалась всего пять месяцев, были захвачены важнейшие турецкие крепости: Карс, Ардаган, Ахалкалаки, Ахалцих, Анапа, Поти, Баязет [Monteith 1856, 221].

Армянские вооруженные отряды и армяне, проживающие в Восточной Анатолии, сыграли существенную роль в обеспечении победы российским войскам над турецкой армией. Так, “В Баязете и Карсе более двух тысяч армян сражались в рядах русских солдат” [Потто 1889, 654].

Кампания 1829 г. началась с попытки Османской империи взять реванш за поражение в 1828 г., она решила вторгнуться в Грузию через Боржомское ущелье. Однако в марте 1829 г. российские войска не только отбили все их попытки по возвращению захваченных крепостей, но и разбили главные силы османских войск на этом фронте при Каинлы и Миллидюзю, что практически решило судьбу кампании 1829 г. на Кавказском фронте [Дегоев, Стамова 2013, 352]. После этих поражений турецкая армия уже не могла оправиться и была бессильна остановить движение русских в глубь страны.

Российские войска, перейдя в наступление, заняли крепость Гасан-кале¹¹ (21 июня), и подошли к Эрзеруму – административному, военному и торговому центру Анатолии, который сдался без боя (27 июня). О значении Эрзерума К. Макдонелл¹² писал: “В случае если какая-либо европейская держава решится на вторжение в Индию, нет другого места восточнее Константинополя, которое подходило бы лучше для группировки большого войска, чем Эрзурумская равнина; лошади и рогатый скот дешевы и имеются в избытке, закупки кормов могут быть произведены повсюду на протяжении весны и лета, существенные запасы зерна могут быть накоплены за счет соседних провинций. Дороги в это время года превосходны и хорошо приспособлены для перевозки артиллерии на равнинные участки, так как местные жители широко пользуются телегами, запряженными волами. Городские жители ведут обширную торговлю со всеми крупными городами в Турции и Персии, в особенности с Константинополем, Багдадом и Иреваном” [Kinneir 1818, 367].

1 июля была захвачена крепость Байбурт, находившаяся на полпути к Трапезунду [Дегоев, Стамова 2013, 356]. Однако Паскевич¹³, опасаясь растягивать российские позиции, так как считал, что это сделает их более уязвимыми для непредсказуемых фланговых ударов, предпочел прекратить трапезундскую экспедицию и вернулся в Эрзерум, где вскоре были получены сообщения о заключении Адрианопольского мирного договора.

Настроение в османском правительстве было весьма тревожным, поскольку после захвата Адрианополя опасность угрожала непосредственно столице. В это время поступили сведения, что на Кавказском фронте российским войскам удалось захватить Эрзурум. При таких обстоятельствах турецкий султан был вынужден начать переговоры о заключении мира.

В августе 1829 г. после сокрушительных поражений на Балканах и Кавказе начались мирные переговоры в Адрианополе. Британская дипломатия взяла на себя посредническую миссию, против которой не стал выступать фельдмаршал Дибич (он же глава российской делегации на начальном этапе переговоров). Британским посредником на переговорах выступил Роберт Гордон – британский посол в Османской империи. Граф Дибич поручил ведение переговоров князю Горчакову и статс-секретарю Фонтону, но вскоре их заменили граф Орлов и граф Пален.

Переговоры по заключению Адрианопольского мира, несмотря на то что российская армия стояла “у ворот” Стамбула, проходили медленно и трудно. Турки пытались использовать малейший предлог для затягивания переговоров, с тем чтобы выторговать для себя наиболее выгодные условия¹⁴.

Интересно, что на адрианопольских переговорах очевидно было нежелание Османской империи уступать территории в первую очередь на Кавказском фронте. Исходя из того, что российские войска занимали на момент переговоров Аджарию, Ахалцихский, Карсский и Баязетский пашалыки, И. Ф. Паскевич в письме канцлеру К. В. Нессельроде (август 1829 г.) указывал на необходимость обезопасить Западную Грузию путем присоединения этих пашалыков к России, тем самым устранив традиционный источник угрозы миру и стабильности на Южном Кавказе [Акты... 1878, № 759]. Однако, как докладывал императору Дибич, “турки дорожат этими владениями, на которые они смотрят как на одно из самых древних своих

владений и как ключ своих владений в Азии” [Адрианопольский мир... 1879, 14]. Именно поэтому еще в 1826 г. А. П. Ермолов настоятельно советовал в случае войны с Турцией наступать в направлении Карса и Эрзерума с целью нанести удар по самым “источникам могущества Порты” [Дегоев, Стамова 2013, 369].

В целом можно согласиться с утверждением британского историка М. Андерсона о том, что в отношениях между Россией и Османской империей кавказские территориальные проблемы “весили” больше, чем балканские [Anderson 1979, 86]. В ходе мирной конференции британский посол в Стамбуле Гордон стремился свести к минимуму турецкие уступки на Кавказе. Особенно он возражал против передачи России Ахалциха как потенциального плацдарма для ее дальнейшего наступления на Восток. Дибич сообщал Николаю I, что Гордон считает требование об Ахалцихе “выходящим из границ великодушия, которые предполагали со стороны Вашего императорского величества и в котором были убеждены” [Адрианопольский мир... 1879, 14]. Для принуждения Петербурга к отказу от чрезмерных территориальных претензий к Османской империи посол предлагал своему правительству послать британский флот в Дарданеллы. Однако, как известно, премьер-министр Веллингтон придерживался более осторожной политики в отношении России, он ограничился лишь предписанием министру иностранных дел Д. Г. Абердину не допустить передачи России Анапы и Поти, советуя делать это разумно во избежание риска вовлечь Британию в войну [Дегоев, Стамова 2013, 368].

Османская империя в итоге длительной и острой дискуссии приняла окончательное решение подписать мирный договор на условиях, предложенных Россией. Она дала согласие на переход в состав России Черноморского побережья Кавказа от устья Кубани до пристани Св. Николая и отказалась окончательно от претензий на северокавказские области. 2 (14) сентября 1829 г. в старинном дворце османских султанов, в городе, с которым было связано само рождение Османской империи, стороны подписали мирный трактат.

Договор в Адрианополе включал 16 статей, отдельный акт о преимуществах Молдавского и Валашского княжеств и объяснительный акт о контрибуции [Полное собрание законов Российской Империи 1830, 622–633]. Со стороны России он был подписан А. Ф. Орловым и Ф. П. Паленом¹⁵, со стороны Турции – Мехмедом Садык-эфенди и Абдулом Кадыр-беом.

Адрианопольский договор стал кульминацией российской восточной политики. Российская империя фактически добила того, чего предшественник Веллингтона, Каннинг, всегда пытался не допустить. Россия, действуя в одиночку, объявила войну Османской империи, затем с триумфом вышла победителем из войны и поэтому, естественно, требовала удовлетворения всех своих притязаний.

Как и по договору 1812 году, “Границей между обеими империями по-прежнему будет река Прут от самого ее впадения в Молдавию до соединения с Дунаем” (ст. III) [The Cambridge history... 1923, 101]. На Дунае к России отходили острова в дельте Дуная, южный рукав устья реки становился российской границей. Россияне получили право прохода их торговых судов через проливы Босфор и Дарданеллы. Дунайские княжества и Силистрия оставались в их руках впредь до выполнения всех условий Адрианопольского договора. Турки потеряли право селиться к югу от Дуная. Что касается Греции, то она объявлялась самостоятельной державой, связанной с султаном лишь платежом 1 миллиона пиастров в год (причем эти платежи начинаются лишь на пятый год после принятия Османской империей этих условий), а населению Греции предоставлялось право избрать государем какого-либо принца из царствующих в Европе христианских династий, кроме британской, французской и российской.

Для нас интерес представляет в первую очередь четвертая статья Адрианопольского трактата, в которой Османская империя признавала владения России

на Южном Кавказе: “Грузия, Имеретия, Мингрелия, Гурия и многие другие области закавказские, с давних уже лет присоединенные на вечные времена к Российской империи, сей державе уступлены также трактатом, заключенным с Персией в Туркманчае 10 февраля 1828 г., ханства Ереванское и Нахичеванское” [Договоры России с Востоком... 1869, 73]. Кроме того, определялась новая “пограничная черта” на Кавказе: “Все земли, лежащие на юг и на запад от вышесказанной граничной черты к стороне Карсского и Трапезундского пашалыков с большей частью Ахалцыхского пашалыка, останутся в вечное владение Блистательной Порты; земли же, лежащие на север и на восток от оной черты к стороне Грузии, Имеретии и Гурии, а равно и весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани Св. Николая включительно, пребудут в вечном владении Российской империи. Вследствие того императорский российский двор отдает и возвращает Блистательной Порте остальную часть пашалыка Ахалцыхского, город Карс с его пашалыком, город Баязид с его пашалыком, город Арзерум с его пашалыком, а также и все места, занятые российскими войсками и находящиеся вне вышешоказанной черты” [Под стягом России... 1992, 107]. Новая российско-турецкая граница проходила от Гурии до Александрополя приблизительно в 15 км южнее Ахалциха и в 30 км южнее Ахалкалаки. Остальная часть Ахалцыхского пашалыка, а также пашалыки Карсский, Баязетский и Эрзерумский возвращались Османской империи. Через три месяца после подписания мирного договора должен был начаться и в восьмимесячный срок закончиться вывод российских войск из оккупированных земель Восточной Анатолии.

16 октября 1829 г. Адрианопольский договор был ратифицирован турецкой стороной, и в тот же день ратификационные грамоты были вручены в Адрианополе Дибичу. В мае 1830 г., во время переговоров с турецкой делегацией, предшествовавших ратификации Адрианопольского договора Николаем I, сумма компенсации за потери российской торговли по просьбе турецкого посольства была снижена на 300 тыс. дукатов, 2 млн. червонцев были списаны в качестве жеста доброй воли, еще 1 млн. – в ответ на признание независимости Греции¹⁶. Адрианопольский мирный договор явился крупным достижением российской дипломатии. Он в значительной мере способствовал развитию черноморской торговли и завершил присоединение к России основных территорий Южного Кавказа.

Адрианопольский договор вызвал обострение англо-российских отношений. В своем донесении императору от 10 (22) сентября граф Дибич писал: “Адрианопольский мир самый славный из когда-либо заключенных, и вы сумели придать ему характер, приличный миру, заключенному после такой войны. Наша умеренность зазмет рты всем нашим клеветникам, и нас самих мирит с нашей совестью” [Внешняя политика России... 1992, 599; Адрианопольский мир... 1879, 54]. По мнению В. Кроули, Адрианопольский договор увеличил “российское влияние морское в Черном море, политическое – в княжествах и коммерческое – в Турции” [Crawley 1930, 169].

“Умеренные требования” России по сравнению с теми крупными победами, которые она одержала на обоих фронтах, можно объяснить следующими причинами. 1) От невероятно высокой заболеваемости (палящий зной, плохая вода, эпидемия чумы и т. д.) российская победоносная армия таяла на глазах¹⁷. В момент подписания мира она сократилась до 7 тыс. чел. Можно сказать, что триумф Дибича мог в любой момент превратиться в катастрофу. Российскому главнокомандующему Дибичу стоило невероятных усилий скрыть, что у него уже около 4 тысяч солдат лежит по лазаретам и что на воинственные демонстративные прогулки он высылает из Адрианополя более половины своей армии [Достян 1983, 209]. 2) Успешные действия российских войск в ходе войны обеспокоили европейские державы, которые постарались предотвратить полное военное поражение Османской империи и ее распад, оказав давление на российское правительство. 3) Отказ России от

территориальных претензий к Османской империи отвечал принципам “сохранения слабого соседа” и должен был изначально лишить европейские страны возможности вмешаться в войну и выступить с посреднической инициативой в ходе мирного урегулирования между Османской империей и Россией.

Заключением Адрианопольского договора завершился восточный кризис 20-х годов XIX в. Россия стала самым влиятельным европейским государством на Ближнем Востоке. Успехи России на Ближнем Востоке, закрепленные этим договором, всполошили европейские правительства, в первую очередь обострив российско-английское соперничество.

Таким образом, война 1828–1829 гг. явилась новым этапом в вековой борьбе между Россией и Османской империей. Российско-турецкие отношения первой половины XIX в. определялись как общим состоянием европейских международных отношений, так и конкретными задачами, стоявшими перед российской внешней политикой в Ближневосточном регионе.

Туркманчайский и Адрианопольский мирные договоры создали предпосылки для окончательного присоединения к России Южного Кавказа. Завершив обе войны успешно, Россия укрепилась на Кавказе и приобрела обширные территории. По мнению В. Дегоева, в отличие от русско-иранской войны 1826–1828 гг., русско-турецкая война 1828–1829 гг. представляла собой не только и не столько итоговую, сколько поворотную веху в международном положении кавказских народов [Дегоев 2009, 20].

В начале XIX в. между великими европейскими державами шла то явная, то скрытая дипломатическая борьба за господство на Ближнем Востоке. Это было вызвано, с одной стороны, экономическим и политическим ослаблением Османской империи, а с другой – усилением экспансии держав Европы. К этому времени в российской дипломатии существовали две концепции по восточному вопросу: с одной стороны, Россия готовилась принять активное участие в разделе Османской империи, а с другой – не желала ее распада. Поэтому, подводя итоги этой войны, следует учитывать, что России удалось не только расширить свои политические и торговые интересы, но также настолько ослабить Османскую империю, что она, сохраняя свое существование, при этом не мешала российским экспансионистским планам. В то время как распад Османской империи привел бы Россию к войне со всеми европейскими странами.

Успехи российской внешней политики привели к обострению отношений с западными державами. Беспрецедентное усиление России вызвало крайнюю тревогу европейских государств. Однако ее успехи были настолько определяющими, что европейские государства не решились вступить в прямую военную конфронтацию с Россией. Усиление влияния Российской империи на Кавказе противоречило внешней политике Британии, которая также стремилась расширить свои сферы влияния на восточных территориях. Главным итогом Адрианопольского мира можно считать тот факт, что дипломатическая борьба европейских государств против России во время восточного кризиса 20-х гг. XIX в. фактически была проиграна.

¹ Дипломатическое присутствие в Европе турецких дипломатов возобновилось лишь в 1834 г. во Франции и Британии, а в 1835 г. – в Австрии.

² После Адрианопольского мира политика Великобритании принимает характер “войны дипломатий” до 1833 г. [Crawley 1930, 27].

³ Трактат состоял из семи статей. Он предусматривал, что Британия, Россия и Франция одновременно предлагают Османской империи посредничество с целью достижения перемирия с греками. Предполагалось, что соглашение между Османской империей и греками должно быть достигнуто на основе предоставления Греции автономии под сюзеренитетом

султана, которому Греция ежегодно будет выплачивать дань. Сумма выплат будет установлена с общего согласия. Во всем остальном греки будут исключительно самостоятельны. Территория автономной Греции будет определена в последующих переговорах “между великими державами и обеими воюющими сторонами”. По настоянию России была принята секретная дополнительная статья, которая устанавливала, что если в течение одного месяца Османская империя не согласится на перемирие, предусмотренное трактатом, то три державы направят свои эскадры с целью “воспрепятствовать прибытию в Грецию или в Архипелаг всякого подкрепления” [Мартенс 1895, 351–353].

⁴ В этом манифесте султан называл Россию главной виновницей Наваринского сражения и обвинял ее в том, что она с 1821 г. постоянно поддерживает мятежников в его империи. Кроме того, в манифесте утверждалось, что Аккерманские соглашения нарушены, так как Россия вмешивается в греческие дела, и поэтому султан расторгает Аккерманскую конвенцию и все ранее заключенные с Россией договоры. Он призывал всех мусульман к войне против “неверных” [Шпаро 1965, 245].

⁵ Как известно, Османская империя требовала для исполнения Бухарестского договора возвращения ей Сухум-кале, Анаклии, Редут-кале (Кемхала), Кутаиса, Шаропани и других крепостей [Дегоев, Стамова 2013, 336].

⁶ Главнокомандующим всех турецких сил на придунайском театре военных действий назначен был Хуссейн-Ага-паша.

⁷ Султан располагал 80-тысячной армией, созданной по европейскому образцу, и приблизительно 100-тысячными иррегулярными войсками, в основном кавалерией.

⁸ Предвкушая близкую и легкую победу, император сам отправился на Балканский фронт, где 95-тысячной армией командовал П. Х. Витгенштейн.

⁹ Каджарский наследник Аббас Мирза, желая угодить русским, по случаю взятия Варны дал обед, куда, помимо пяти членов российского посольства во главе с Грибоедовым, были приглашены и британские представители в Тебризе. Однако британский посол отказался участвовать в обеде в честь победы над союзником Великобритании [Fowler 1841, 174–175].

¹⁰ Все эти земли были захвачены Россией в ходе русско-турецкой войны 1806–1812 гг., но возвращены Османской империи по условиям Бухарестского договора в 1812 г.

¹¹ Согласно данным источников, военный контингент Гасан-кале составлял примерно 4000 турок и 1000 армян [Kinneir 1813, 323].

¹² Макдонелл Киннер (1782–1830) – британский лейтенант, путешественник и дипломат, в 1826–1830 гг. представитель Ост-Индской компании в каджарском Иране.

¹³ После Эрзерумского похода Паскевич получил чин фельдмаршала.

¹⁴ На одном из заседаний, когда турецкий представитель Мехмед Садык-эфенди стал более чем настойчиво возражать против включения в текст договора статьи о судьбе Греции и к тому же потребовал вернуть все занятые Россией в ходе войны земли, царский генерал-адъютант князь Орлов очень твердо и недвусмысленно напомнил, чья армия у ворот чьей столицы находится.

¹⁵ Глава временной российской администрации в Дунайских княжествах.

¹⁶ Что касается Греции, то она становилась вассальным по отношению к Турции государством, причем зависимость ограничивалась выплатой 1,5 млн. пиастров ежегодной дани.

¹⁷ Эта война стоила русским 125 тыс. чел. погибшими. Из них лишь 12 % пришлось на павших в бою. Остальные скончались от болезней.

ЛИТЕРАТУРА

Адрианопольский мир 1829 года: Из переписки гр. Дибича. [Сообщ. и снабдил предисл.] Н. К. Шильдер. Санкт-Петербург, 1879.

Акты, собранные Кавказской археологической комиссией / Архив Главного управления наместника кавказского; Под ред. А. П. Берже. Т. VII. Тифлис, 1878.

Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел / Министерство иностранных дел СССР. Серия вторая 1815–1830 гг. Т. VII (XV). Москва, 1992.

Дегоев В. В. Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. Москва, 2009.

Дегоев В. В., Стамова И. И. Приз для победителя. Москва, 2013.

Договоры России с Востоком. Политические и торговые / Сост. Т. Д. Юзефович. Санкт-Петербург, 1869.

Достян И. С. Международные отношения на Балканах 1815–1830. Москва, 1983.

История дипломатии. Издание второе, переработанное и дополненное / Под редакцией В. А. Зорина, В. С. Семенова, С. Д. Сказкина, В. М. Хвостова. Т. 1. Москва, 1959.

Киняпина Н. С. Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история, 2001, № 1.

Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XI. Трактаты с Англией. Санкт-Петербург, 1895.

Международные отношения на Балканах: 1815–1830 гг. Москва, 1983.

Орлик О. В. Россия в международных отношениях, 1815–1829: От Венского конгресса до Адрианопольского мира. Москва, 1998.

Под стягом России: сборник архивных документов / Сост. А. Сазонова и др. Москва, 1992.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. IV. Санкт-Петербург, 1830.

Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. IV. Санкт-Петербург, 1889.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 477, д. 4; ф. 846, оп. 1, д. 4442, 4329.

Шеремет В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. Москва, 1975.

Шпаро О. Б. Освобождение Греции и Россия (1821–1829 гг.). Москва, 1965.

Akbulut U. Rusların 1828–1829 Osmanlı-Rus Savaşında Doğu Anadolu'yu İşgali ve Bunun İngiltere'nin Hindistan Yolu Politikasına Etkisi // Yeni Türkiye. C. 21, Sayı 73. 2015.

Anderson M. Russia and the Eastern Question. In Europe's Balance of Power: 1815–1848 / Ed. Alan Sked. London, 1979.

Crawley C. W. The Question of Greeks Independence, a Study of British Foreign Policy, 1821–1833. Cambridge, 1930.

Fowler G. Three Years in Persia with Travelling Adventures in Koordistan. Vol. II. London, 1841.

Kinneir J. M. A geographical memoir of the Persian Empire. London, 1813.

Kinneir J. M. Sir, Journey through Asia Minor, Armenia, and Koordistan in the years 1813 and 1814: with remarks on the marches of Alexander and retreat of the ten thousand. London, 1818.

Monteith W. Kars and Erzeroum with the campaigns of prince Paskiewitch in 1828 and 1829. London, 1856.

Russell F. S. Russo-Turkish War, 1828–1829. Eastern question (Balkan). London, 1877.

The Cambridge history of British foreign policy 1783–1922. Vol. 2. Cambridge, 1923.

REFERENCES

Adrianopol'skii mir 1829 goda: Iz perepiski gr. Dibicha (1879), Edited by N. K. Shil'der, Tipografiia V. I. Gratsianskogo, Saint-Petersburg. (In Russian).

Akty, sobrannnye Kavkazskoi arkheologicheskoi komissiei (1878), Edited by A. P. Berzhe, Vol. VII, Tipografiia glavnogo upravleniia namestnika kavkazskogo, Tiflis. (In Russian).

Vneshniaia politika Rossii XIX i nachala XX veka: Dokumenty Rossiiskogo ministerstva inostrannykh del, Ministerstvo inostrannykh del SSSR, Serii vtoraiia 1815–1830 gg. (1992), Vol. VII (XV), Nauka, Moskow. (In Russian).

Degoev V. V. (2009), *Kavkaz i velike derzhavy 1829–1864 gg. Politika, voina, diplomatiia, Rubezhi XXI*, Moskow. (In Russian).

Degoev V. V., Stamova I. I. (2013), *Priz dlia pobeditelia*, MGIMO-University, Moskow. (In Russian).

Dogovory Rossii s Vostokom. Politicheskie i torgovye (1869), Comp. T. D. Iuzefovich, Saint-Petersburg. (In Russian).

Dostian I. S. (1983), *Mezhdunarodnye otnosheniia na Balkanakh 1815–1830*, Nauka, Moskow. (In Russian).

Istoriia diplomatii. Izdanie vtoroe, pererabotannoe i dopolnennoe (1959), Edited by V. A. Zorin at all, Vol. 1, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moskow. (In Russian).

- Kiniapina N. S. (2001), "Vneshniaia politika Nikolaia I", *Novaia i noveishaia istoriia*, No. 1. (In Russian).
- Martens F. F. (1895), *Sobranie traktatov i konventsii, zakliuchennykh Rossiei s inostrannymi, derzhavami*, Vol. XI. Traktaty s Angliiei, Tipografiia Ministerstva Putei Soobshcheniia, Saint-Petersburg. (In Russian).
- Mezhdunarodnye otnosheniia na Balkanakh: 1815–1830 gg.* (1983), Nauka, Moskow. (In Russian).
- Orlik O. V. *Rossiiia v mezhdunarodnykh otnosheniakh, 1815–1829: Ot Venskogo kongressa do Adrianopol'skogo mira* (1998), Nauka, Moskow. (In Russian).
- Pod stiagom Rossii: sbornik arkhivnykh dokumentov* (1992), Comp. A. Sazonova and all, Russkaia kniga, Moskow. (In Russian).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Vtoroe* (1830), Vol. IV, Tipografiia 2 otdeleniia sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kantseliarii, Saint-Petersburg. (In Russian).
- Potto V. A. (1889), *Kavkazskaia voina v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiakh*. Vol. IV, Tipografiia E. Evdokimova, Saint-Petersburg. (In Russian).
- Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA)*, F. 477, D. 4; F. 846, Op. 1, D. 4442, D. 4329.
- Sheremet V. I. (1975), *Turtsiia i Adrianopol'skii mir 1829 g.*, Nauka, Moskow. (In Russian).
- Shparo O. B. (1965), *Osvobozhdenie Gretsii i Rossiiia (1821–1829 gg.)*, Mysl', Moskow. (In Russian).
- Akbulut U. (2015), "Rusların 1828–1829 Osmanlı-Rus Savaşında Doğu Anadolu'yu İşgali ve Bunun İngiltere'nin Hindistan Yolu Politikasına Etkisi", *Yeni Türkiye*, Vol. 21, Issue 73, pp. 703–720.
- Anderson M. (1979), "Russia and the Eastern Question", in Alan Sked (Ed.), *Europe's Balance of Power: 1815–1848*, Macmillan Press, London, pp. 79–97.
- Crawley C. W. (1930), *The Question of Greeks Independence, a Study of British Foreign Policy, 1821–1833*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Fowler G. (1841), *Three Years in Persia with Travelling Adventures in Koordistan*, Vol. II, Henry Colburn Publisher, London.
- Kinneir J. M. (1813), *A geographical memoir of the Persian Empire*, J. Murray, London.
- Kinneir J. M. (1818), *Sir, Journey through Asia Minor, Armenia, and Koordistan in the years 1813 and 1814*, with remarks on the marches of Alexander and retreat of the ten thousand, J. Murray, London.
- Monteith W. (1856), *Kars and Erzeroum with the campaigns of prince Paskiewitch in 1828 and 1829*, Longman, Brown, Green and Longmans, London.
- Russell F. S. (1877) *Russo-Turkish War, 1828–1829. Eastern question (Balkan)*, H. S. King & Co. London.
- The Cambridge history of British foreign policy 1783–1922* (1923), Vol. 2, Cambridge University Press, Cambridge.

**Кавказський фронт
російсько-турецької війни 1828–1829 рр.**

Н. Р. Гезалова

З початку XIX століття міжнародні відносини навколо Південного Кавказу відчувають на собі прямий або опосередкований вплив східної кризи, викликані грецьким повстанням. Укладання миру з каджарським Іраном (1828 р.) змінило політичну і стратегічну обстановку на Південному Кавказі на користь Росії, розв'язавши російському уряду руки для початку воєнних дій проти Османської імперії. Війна 1828–1829 рр. стала новим етапом у віковій боротьбі між Росією та Османською імперією. Російсько-турецькі відносини першої половини XIX ст. визначалися як загальним станом європейських міжнародних відносин, так і конкретними завданнями, які стояли перед російською зовнішньою політикою в Близькосхідному регіоні.

Адріанопольський договір став кульмінацією російської східної політики, а Росія – найвпливовішою європейською державою на Близькому Сході. Успіхи Росії на Близькому

Сході, закріплені цим договором, сполохали європейські уряди, загостривши насамперед російсько-англійське суперництво.

Ключові слова: російсько-турецька війна, Адрианопольський договір, Кавказ, Близький Схід, східне питання

Кавказский фронт русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

Н. Р. Гезалова

С начала XIX века международные отношения вокруг Южного Кавказа испытывают на себе прямое или косвенное влияние восточного кризиса, вызванного греческим восстанием. Заключение мира с каджарским Ираном (1828 г.) изменило политическую и стратегическую обстановку на Южном Кавказе в пользу России, развязав российскому правительству руки для начала военных действий против Османской империи. Война 1828–1829 гг. явилась новым этапом в вековой борьбе между Россией и Османской империей. Российско-турецкие отношения первой половины XIX в. определялись как общим состоянием европейских международных отношений, так и конкретными задачами, стоявшими перед российской внешней политикой в Ближневосточном регионе.

Адрианопольский договор стал кульминацией российской восточной политики. Россия стала самым влиятельным европейским государством на Ближнем Востоке. Успехи России на Ближнем Востоке, закрепленные этим договором, всполошили европейские правительства, в первую очередь обострив российско-английское соперничество.

Ключевые слова: русско-турецкая война, Адрианопольский договор, Кавказ, Ближний Восток, восточный вопрос

Стаття надійшла до редакції 06.08.2017